

подлинника. Оказывается, Борис был красив и высок, широкоплеч и тонок станом; его круглое и веселое лицо с добрыми глазами опушала «борода мала и ус».¹³⁰ Последняя деталь зрительно отличала старшего Бориса от младшего Глеба, что было существенно для воплощения их образов живописцами. Несмотря на свою схематичность, этот образ по-человечески прост, привлекателен и жизненен; особенно примечательно указание на веселое лицо и добрые глаза, стремящиеся расположить читателя к памяти святого феодала. В правильности этой оценки описания облика Бориса убеждает и сравнение описаний явления святых князей в рассказе об узниках в «Чтении» и «Сказании». Если Нестор как в рассказе о сухорукой, так и в чуде с узниками изображает князей конными дружинниками, а в последнем рассказе им «предтечет» отрок со свечой (совсем как в церковной процессии), то в «Сказании» они являются пешими, как простые воины — «пешьци», да еще сами, подобно живым людям, заботятся, чтобы был «видок» их чудесного пришествия, пока они пешком, как калики-перехожие, но с чудесной быстротой сходят в греческую землю. Таким образом, человеческая, житейская простота «портрета» Бориса тесно связана со всем литературным строем «Сказания», с его ярко выраженным стремлением к реалистичности, к передаче живых человеческих чувств. Конечно, эти человеческие черты, отражающие психический склад Бориса, не могли быть реализованы живописцами, работавшими в пределах отвлеченного церковного стиля, но писатель это сделать смог, и это лежало в плане его стремлений к максимальной изобразительности и документальности его повествования. Поэтому мы с полной уверенностью полагаем, что эта «вставка» сделана автором «Сказания».

С. А. Бугославский, отделяя житейную часть «Сказания» и относя ее ко времени Ярослава, писал, что в этом произведении литературная умелость берет верх над летописным стремлением к исторической правде (как будто литературная умелость должна удалять от правды!). Автор был высоко образованным человеком, хорошо знакомым с византийской житейной литературой и со «Словом» Илариона. Сходство стиля отдельных мест его сочинения со стилистикой церковных служб и молитв является, по тонкому наблюдению исследователя, «результатом цитирования по памяти того, что автор „Сказания“ частенько читал в церкви» — он явно духовное лицо.¹³¹

В свете изложенных выше наблюдений над «Сказанием о чудесах» совершенно ясно, что похвала, завершающая первую, житейную часть «Сказания», органически связана и с рассказом о жизни и кончине Бориса и Глеба, и с последующим циклом чудес. Их объединяет в стройное целое как идейно-политический замысел, так и стиль изложения. Основная философская и политическая тема — о неправедном суде и беззаконии, о кривде и правде — пронизывает все «Сказание». Его увлекающие читателя страницы наполнены живыми образами людей и борьбой человеческих чувств, множеством взятых из реальной жизни деталей. Мы приходим к бесспорному выводу, что «Сказание» немислимо рассекать на две одновременные части, как это сделал С. А. Бугославский, так же как нет оснований видеть в тексте о чудесах труд трех авторов-редакторов. «Сказание» — единое высокохудожественное и актуальное произведение, созданное одновременно рукой одного автора. Как теперь можно предположить, оно написано между 2 мая 1115 г. и 6 сентября 1117 г. епископом Переяславля-Русского Лазарем.

¹³⁰ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 51.

¹³¹ С. А. Бугославский. Пам'ятки..., стр. XXI—XXIII.